

Тяглый М.И. ЕВРЕЙСКИЕ КОМИТЕТЫ В ОККУПИРОВАННОМ НАЦИСТАМИ КРЫМУ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

АКТУАЛЬНОСТЬ ВОПРОСА

Настоящее исследование посвящено вопросу о еврейских комитетах, создававшихся немецкими оккупационными властями в большинстве из крупных крымских городов. Практически во всех местах массового присутствия евреев в оккупированных городах Восточной Европы и Советского Союза уничтожению еврейских общин предшествовало учреждение (порой даже там, где до оккупации региона их не существовало) еврейских общинных структур. В нацистских документах и, позже, в историографии эти учреждения получили название “юденраты” (от нем. *Judenrat* – еврейский совет) [1]. С помощью этих структур оккупанты пытались ограбить еврейское население города, организовать подневольный труд и провести все меры по подготовке к уничтожению (регистрацию, создание гетто и т.п.) усилиями самих же евреев. Вместе с тем, в ряде случаев юденраты располагали некоторыми организационными и материальными ресурсами. Разумеется, их не хватило бы и не могло хватить для противостояния нацистской политике, конечная цель которой заключалась в физическом уничтожении евреев, а промежуточная – в наживе за их счет. Однако, в некоторых случаях лидеры юденратов пытались облегчить жизнь соплеменникам или внести хотя бы на краткий срок элементы стабильности и порядка.

Перед исследователями истории Холокоста в Крыму возникают вопросы: каким образом создавались подобные структуры в крымских городах? В какой степени еврейские комитеты были задействованы при осуществлении антиеврейских акций? Какие оккупационные структуры были ответственны за обращение с комитетами? Как именно нацисты использовали эти структуры? Другая группа вопросов заключается не столько в том, что еврейским комитетам удалось сделать в действительности, сколько в намерениях, линии поведения и в духовной позиции, которую заняли люди, добровольно или поневоле оказавшиеся во главе еврейских общин. Кем они были: авторитетными лидерами или случайными фигурами? Судьба этих людей была трагической, они оказывались “между молотом и наковальней”: перед нацистами они несли ответственность за исполнение всех распоряжений, зачастую страдая первыми в случае неисполнения. В глазах же рядовых членов общины они порой выглядели проводниками немецкой политики. Были ли они покорными исполнителями воли оккупантов, или пытались все же придерживаться хоть сколько-нибудь самостоятельной тактики? Следовало ли в тех условиях полностью отказаться от вынужденного сотрудничества, обрекая себя тем самым на немедленную гибель? Как они сами видели свои задачи в условиях “нового порядка”? Какие надежды они питали относительно судьбы вверенной им общины? Считали ли они, что лояльная линия поведения может изменить к лучшему участь общины, или это были попытки спасти собственную жизнь? Существовали ли, наконец, в этих невыносимых условиях возможности для противостояния, и если да, то в какой степени они были реализованы?

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

История юденратов на территории Восточной Польши, Прибалтики, западных оккупированных областей СССР описана и изучена на сегодняшний день в большей или меньшей степени подробно [2]. Иное дело – восточные территории СССР, находившиеся под управлением военного командования. Характеризуя особенности Холокоста на советских территориях, израильский историк М. Альтшулер отмечает, что юденраты здесь в значительной степени отличались от тех, что создавались нацистами западнее Советского Союза – как по способам их формирования, так и по функциям, которые им предписывались оккупантами [3].

Территория Крыма была выделена в генеральный комиссариат “Таврия” (“Крым”) в составе рейхскомиссариата “Украина”, однако фактически полуостров продолжал весь период оккупации находиться в подчинении вермахта. Истребление еврейского населения в Крыму было осуществлено, в основном, в течение ноября-декабря 1941 года и начала 1942 года (за исключением Севастополя, где “акция” была проведена после захвата города в июле 1942 года, и Керчи, где в июне 1942 г., спустя месяц после вторичной оккупации города, были уничтожены крымчаки, а также некоторых сельских районов полуострова) – то есть, в тот период, когда военное командование и де-юре и де-факто было полновластным хозяином на полуострове.

История оккупационных учреждений в Крыму на сегодняшний день изучена недостаточно. В наибольшей степени это касается еврейских комитетов. В 1991 году в Симферополе вышла в свет “Книга печали” [4] – единственное пока на сегодняшний день монографическое исследование, целиком посвященное событиям Холокоста в регионе. Автор книги Г.Н. Губенко дала хронику уничтожения в городах и селах полуострова, а также привела на основании архивных документов списки погибших и назвала имена немецких палачей и их пособников из числа местного населения, ответственных за уничтожение евреев и крымчаков. Вопрос о еврейских комитетах, их задачах, длительности существования в книге практически не был, затронут – вероятно, автором он рассматривался как малозначительный эпизод по сравнению с последовавшим за этим уничтожением. Причиной этого отчасти послужило и то, что источниковая база, на которую могли бы опираться исследователи вопроса о еврейской администрации в оккупированном нацистскими захватчиками Крыму, крайне узка.

ИСТОЧНИКИ ПО ВОПРОСУ

Прежде всего, это документы фонда «Крымская Республиканская чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям КрАССР» (далее – ЧГК) [5]. Крымская комиссия начала свою деятельность 5 июня 1944 г., была ликвидирована в мае 1945 г. В городах и районах Крыма были образованы 25 отделений комиссии. Члены комиссии были заняты, среди прочего, составлением списков жертв оккупационного режима с указанием национальности погибших, списков оккупантов и коллаборационистов, несших ответственность за преступления, а также оформлением актов на основе свидетельских показаний, вскрытием захоронений. Подробное документирование административных структур оккупационного периода не входило в задачи комиссии, поэтому в актах ЧГК лишь по трем городам Крыма: Евпатория, Севастополь и Ялта – встречаются упоминания о создании оккупационными властями еврейских комитетов. В них нет сведений ни о составе, ни о функциях этих учреждений. О существовании еврейских старост, через которых еврейское население получило распоряжение явиться на сборный пункт с вещами, упоминается в акте Карасубазарской [6] городской комиссии.

Другой группой источников являются дневниковые записи очевидцев-неевреев, наблюдавших события Холокоста. Это дневник русской женщины, в довоенное время машинистки одной из ялтинских газет О.И. Шаргородской, потерявшей мужа-еврея и спасавшей сына – ребенка от «смешанного брака» [7], а также многостраничный дневник пожилого симферопольца Х.Г. Лашкевича [8]. Приводимые ими сведения о еврейских комитетах также не отличаются подробностью, так как авторы не были вовлечены непосредственно в круг событий и описывали их «извне», по слухам, которые доходили до них от близких и знакомых. Эти дневниковые записи были собраны членами крымской Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

Крымская комиссия по истории ВОВ была создана решением обкома ВКП(б) от 23 апреля 1944 г., ликвидирована в июне 1947 г. Целью работы комиссии являлся сбор материалов о работе подпольных организаций и партизанских формирований в Крыму, свидетельских показаний мирных жителей об оккупационном режиме, немецком рабстве. Некоторые дела содержат также информацию о различных аспектах Холокоста на полуострове. Это рассказы евреев, переживших уничтожение, прятавшихся, скрывавших свое происхождение, или свидетельства неевреев – очевидцев антиеврейских мероприятий. Они хранятся в виде авторских статей, очерков, либо воспоминаний, записанных сотрудниками комиссии. Наиболее информативными по рассматриваемой теме среди документов комиссии являются стенограммы бесед с евреями, скрывавшимися в период оккупации. Это стенограмма беседы с жителем Симферополя библиографом Е.Е. Гопштейном [9], проведенной 16-17 августа 1944 г., и стенограмма беседы с жителем Симферополя, сотрудником аптекоуправления И.И. Сиротой [10], проведенной 16 февраля и 28 мая 1945 года. Как непосредственные участники событий, до определенного момента принимавшие участие в незначительной деятельности еврейской общины Симферополя, они приводят сведения о составе еврейского комитета, его деятельности, взаимоотношениях с властями. К ним же примыкает записанный Л. Квитко в 1944 г. рассказ симферопольского бухгалтера Л. Юровского, опубликованный в «Неизвестной Черной книге» [11].

Последняя группа документов, которую необходимо охарактеризовать, стоит особняком. Это художественные произведения – рассказы, повести – о событиях Шоа в Крыму, которые были написаны непосредственно после войны и также хранятся в фонде Крымской комиссии по истории ВОВ. Их авторы – Д.И. Макарычева [12] и А.Ф. Пеганова [13] – литераторы-любители. Оба автора попытались сквозь призму художественного восприятия отразить историю оккупации и расправу с евреями в Крыму, и, несомненно, опирались при этом на собственные наблюдения и рассказы с пережившими Холокост (например, можно проследить, что одна из сюжетных линий в повести Д.И. Макарычевой «Мертвые говорят» опирается на воспоминания, а возможно, и на личные беседы с И.И. Сиротой). Поскольку в этих рассказах приводятся множество событий, не отраженных в официальных документах, мы полагаем возможным также рассматривать их как источники (разумеется, с учетом критического подхода к ним).

До сегодняшнего дня не обнаружены документы самих еврейских комитетов, существовавших в различных городах Крыма. Можно сделать два предположения: 1) в связи с кратковременностью существования комитеты не вели самостоятельного делопроизводства, то есть этой документации и не существовало; 2) эта документация была сдана немецким властям накануне ликвидации комитетов во время сбора евреев на расстрел, осуществлявшегося под предлогом переселения, и затем уничтожена [14].

ОБРАЗОВАНИЕ ЕВРЕЙСКИХ КОМИТЕТОВ

Как уже упоминалось, все города Крыма, за исключением Севастополя, были оккупированы к ноябрю 1941 года. Крым был занят 11-й армией под командованием генерала Э. фон Манштейна. Штаб 11-й армии был расположен под Симферополем в с. Сарабуз [15]. Оккупированная территория Крыма была выделена в тыловую область №553 (Rückwärtigen Armeegebiet 553). Вслед за вермахтом, в тылу 11-й армии двигались подразделения 10а, 11а, 11б айзатцгруппы «D» под командованием оберфюрера СС О. Олендорфа. В Симферополе, Ялте, Керчи, Феодосии, Евпатории были образованы городские комендатуры, находившиеся в подчинении у штаба тыловой области №553, а также гражданская городская администрация из местного населения – городские управы, которые подчинялись военным комендатурам и получали от них распоряжения по хозяйственному устройству.

Несмотря на учреждение городских управ, которые, занимаясь вопросами работы с населением, должны были заниматься и еврейским меньшинством, «еврейский вопрос» передавался в ведение немецких

оккупационных властей – городским комендатурам.

На сегодняшний день неизвестно, существовали ли какие-либо предписания по организации еврейских комитетов в Крыму. Как известно из официальных документов различных мест оккупированной Польши и СССР, практика создания юденратов была единообразной и восходила к “Срочной депеше”, которую отправил глава полиции безопасности и СД Р. Гейдрих начальникам айнзатцгрупп 21 сентября 1939 года. В соответствии с этой инструкцией, в каждой еврейской общине на оккупированных территориях следовало создавать совет старейшин из авторитетных лиц в составе до 25 человек. Оговаривались функции юденратов в преддверии “переселения”. Более детально методика создания еврейских советов была изложена в директиве генерал-губернатора оккупированных польских территорий Г. Франка от 28 ноября 1939 г. Предусматривалось, в частности, что юденраты состоят из 12 человек в общинах до 10000 человек и из 24 евреев в общинах свыше 10000 человек; избираются членами общины; избирают председателя и заместителя; после выборов отчитываются о составе перед районным администратором (Kreisshauptmann), а в городах – перед городским администратором (Stadshauptmann); получают через председателя или заместителя указания германских властей и отвечают за их полное и точное исполнение [16].

Проследим, как эта методика применялась на оккупированных территориях СССР. Сравним два документа. Первый – фрагмент из административных распоряжений, адресованных комендантом Слуцка бургомистру этого города:

[...] VII. Назначение еврейских советов.

1. В каждой общине создается представительство евреев, который носит название Еврейский совет.
2. Еврейский совет состоит в общинах с количеством населения до 10000 – с 12 человек, выше 10000 – с 24 евреев, происходящих из оседлого населения. Еврейский совет избирается евреями общины [17].

Другой документ – фрагмент объявления, обнародованного в сентябре 1941 г. в Тернополе:

1. На підставі розпорядження о введені жидівських рад з дня 28 вересня 1939 року має бути в кожній громаді, в котрій є до 10000 жидів, організована жидівська рада з 12 членів, в громадах понад 10000 з 24 членів. [...]

3. До 10 жовтня 1941 р. має бути зголошено Рефератові для жидівських справ при Крайсгауптманшафті в Тернополі число мешканців кожної жидівської громади, їх стать, кількість років і заняття.

Тернопіль, 20 вересня 1941

Крайсгауптман в Тернополі

Реферат для жидівських справ Палфінгер [18]

Как видим, методика образования юденратов в обоих документах практически одинакова, несмотря на географическую удаленность Слуцка от Тернополя и административное подчинение различным структурам (Слуцк находилась на территории рейхскомиссариата Остланд, а Тернополь – на территории дистрикта Галиция). Вместе с тем, как отмечает И.А. Альтман, реальная численность членов еврейских комитетов редко достигала указанного количества (например, Львов – 8 человек, Рига – 7 человек, Минск – 6 человек, в небольших населенных пунктах юденраты состояли из 3-5 человек) [19].

Помимо гражданской администрации, непосредственное участие в создании юденратов принимали также военные власти (приказы исходили от командующих тыловой зоной армий или групп армий, а осуществлением приказов занимались комендатуры), а также подразделения СС – айнзатцгруппы полиции безопасности и СД, следовавшие за группами армий.

Захватив тот или иной населенный пункт, нацисты не имели точных сведений о численности еврейского населения. Кроме того, в Крыму (как и в других восточных оккупированных областях СССР), общинные формы еврейской жизни были разрушены уже за десятилетие до начала войны [20]. В отличие от Восточной Европы, где, по некоторым данным, около 60% членов юденратов были вовлечены в активную еврейскую жизнь до войны [21], в рассматриваемом нами регионе уже не было еврейских организаций и авторитетных общинных лидеров (раввинов, общественных или политических деятелей), к которым нацисты могли бы апеллировать. В таких условиях они поступали следующим образом: “Немцы вошли в Евпаторию 31 октября. Гестапо прибыло через три дня. 5 ноября вечером на улице задержали десять евреев, в том числе моего друга Берлинерблау, и всех назначили членами Еврейского комитета” [22].

В акте Ялтинской ЧГК значится: “По требованию немецких властей был создан Еврейский комитет, правление его находилось на углу улиц Аутской и Морской” [23]. Судя по содержанию акта, комитет был создан 16-17 ноября, т.е. через неделю после захвата города. Один из ялтинских очевидцев приводил другие данные: “На второй день после вступления немецких оккупантов в комендатуру были вызваны несколько более известных в городе евреев. Им приказано быть еврейским комитетом” [24].

Своими воспоминаниями по поводу того, каким образом был образован комитет в Симферополе, поделился Е.Е. Гопштейн: “Около 8 ноября (через неделю после захвата города – М.Т.) по улицам города были развешаны громадные объявления о создании еврейского комитета: “Распоряжением господина германского коменданта создан Еврейский комитет в составе 13 человек”. Какие функции комитета этого, что он должен делать, представляет ли интересы еврейского народа — ни о задачах, ни о функциях ничего сказано не было. Сообщалось, что такие-то лица избраны в состав комитета и в числе их такой-то избран председателем. [...] Комитет помещался на Фонтанной площади – напротив городской лаборатории” [25].

СОСТАВ ЕВРЕЙСКИХ КОМИТЕТОВ

Известные на сегодняшний день документы не позволяют составить подробное представление о со-

ставе еврейских комитетов в городах Крыма.

Образованный по приказу гестапо в г. Евпатории еврейский комитет возглавил житель города Дон Борисович Барабаш [26].

По воспоминанию очевидца, в Ялте еврейский комитет состоял из пяти или шести человек. Фамилию председателя комитета очевидец не называет, однако упоминает, что это был доктор [27].

В Симферополе, по воспоминаниям И.И. Сироты, “председателем комитета общины вошел Бейлисон, скрипач из кино “Большевик” [28]. В повести Д.М. Макарычевой – более подробные сведения: “Председатель еврейского комитета – музыкант Бейлисон, члены: Лайхтман, завхоз Бахчизельской школы, Зельцер, Гурвич, Рабинович – все мелкие служащие, даже не очень грамотные” [29].

Фамилию одного из членов комитета называет Е.Е. Гопштейн. Здесь же он приводит свои предположения о способе назначения членов комитета и приводит не отраженные в других источниках сведения об их социальном положении: “Здесь, в Симферополе, был человек без определенной профессии – Зельцер, служил в жилищной кооперации. Зельцеру германским командованием было поручено формировать Еврейский комитет. [...] Может быть, Зельцер был первым человеком, который с ними связался. [...] Состав комитета был серенький, простенький и по культурному уровню не подходил для той роли, на которую его выдвинули” [30].

По мнению Е.Е. Гопштейна, именно этот факт – отсутствие авторитетного руководства – побудило еврейскую интеллигенцию помогать комитету в его работе. Еще одной причиной такой сплоченности было отсутствие сведений о планах нацистов на еврейскую общину, практически полная неизвестность, ожидавшая впереди.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРЕЙСКИХ КОМИТЕТОВ

Проведение регистрации еврейского населения

Как уже отмечалось, по практиковавшейся в оккупированных областях методике число членов Judenratов должно было зависеть от количества еврейского населения в населенном пункте. Между тем, у оккупантов не было сведений о количестве не успевших эвакуироваться из Крыма евреев. Первая задача, которая была возложена на комитеты – провести **регистрацию** еврейского населения.

По свидетельству бывшего командира айнзатцгруппы “D” Олендорфа на Нюрнбергском процессе, “регистрация евреев осуществлялась самими евреями” [31] – то есть, еврейским комитетам приказывалось провести регистрацию своими силами. На практике это выглядело следующим образом.

О регистрации евреев Евпатории на следующий день после создания еврейского комитета в городе (6 ноября 1941 г.) сообщается в письме Фишгойт [32]. По показаниям свидетелей, данным в 1973 г., списки евреев и крымчаков г. Евпатории составлялись главой еврейского комитета Д.Б. Барабашем у него на квартире, всего были составлены списки на 986 человек [33].

По показаниям одного из бывших сотрудников городской управы в Севастополе, регистрацию евреев города проводил созданный для этого еврейский комитет [34].

В Ялте находившаяся там айнзатцкоманда “11” также обнародовала приказ, обязывавший евреев пройти регистрацию через еврейский комитет; невыполнение этого требования каралось расстрелом [35]. В регистрационной ведомости кроме имени, отчества и фамилии, года рождения, семейного положения и адреса, значились также такие вопросы, как образование, специальность и занятие [36]. 28 ноября 1941 г. О.И. Шаргородская записала в дневнике: “Вывешенный приказ о нашивке звезд на одежду евреям резанул по сердцу. [...] Пришиваю “украшение” на одежду мужа. [...] Сегодня была регистрация в еврейской общине семей. Зарегистрированы и мы. Что будет дальше?” [37]

Наиболее подробными сведениями о регистрации мы располагаем по Симферополю. Почти все авторы дневников и воспоминаний упоминают о регистрации как о мероприятии, проведенном усилиями еврейского комитета. По воспоминанию Е.Е. Гопштейна, “числа 18-го ноября появилось распоряжение Еврейского комитета, который, ссылаясь на распоряжение германского командования, извещал о регистрации всего еврейского населения. Объяснялось, что взрослые являются сами, о детях дают сведения родители... Потянулась очередь еврейского населения для регистрации, пошел и я. При регистрации требовались такие данные: имя, отчество, фамилия, адрес, возраст, профессия. Я не помню, было ли еще что, на паспорте делалась отметка от руки. Цели этой регистрации никто не знал: ни еврейское население, ни Еврейский комитет. [...] Я переписал себе результаты. Результаты были такие: всего еврейского населения было 14 тысяч человек, включая крымчаков тысячи полторы” [38].

По понятным причинам далеко не все евреи Симферополя явились на регистрацию. В повести Д.И. Макарычевой приводится эпизод, рисующий, как еврейский комитет, не ограничившись регистрацией явившихся самостоятельно, проводил проверку горожан по местам жительства:

“Есть объявление – всем евреям зарегистрироваться в комитете. Теплицкие решили не идти регистрироваться, выждать. Через два дня к ним постучался кто-то. Мира открыла калитку. Человек небритый, худой, с красными веками и очень усталым лицом спросил:

– У вас нет тут жильцов-евреев?

Мириам тотчас же ответила:

– Нет.

Это Еврейский комитет по приказу немцев проверял: все ли зарегистрировались? Нет ли уклонившихся? Немцы грозили комитету расстрелом, и они сбивались с ног, проверяли все дома города” [39].

Сведения о размере общины нужны были немецким властям по нескольким причинам. Становилось

ясно, что кампания на восточном фронте затягивается, и необходимо было готовиться к зиме. Между тем, ориентированный на скорую победу вермахт не был подготовлен к зимовке в полевых условиях. Недостаток в теплых вещах можно было пополнить за счет евреев. Такая же угрожающая ситуация в Крыму складывалась и с продуктами питания. В условиях затянувшегося штурма Севастополя продовольственные запасы 11-й армии быстро таяли. Еврейское население в таких условиях рассматривалось, кроме всего прочего, и как ненужный и вредный балласт, от которого необходимо было избавиться как можно быстрее [40]. Ситуация с жильем также оставляла желать лучшего – в условиях поступления свежих армейских ресурсов не хватало квартир для размещения личного состава армии. Все это привело к тому, что военная администрация в Крыму потребовала от айнзатцгруппы ускорить уничтожение еврейского населения. По свидетельству О. Олендорфа на Нюрнбергском процессе, “в Симферополе со стороны армии было дано распоряжение соответствующим оперативным командам, касающееся ускорения ликвидации, причем обосновывалось это тем, что в этой области свирепствовал голод и не хватало жилищ” [41]. Бывший командир зондеркоманды 11-б оберштурмбаннфюрер СС В. Брауне свидетельствовал, что “11-я армия приказала, чтобы казнь в Симферополе была закончена еще до Рождества” (католического – М.Т.) [42]. Сведения о размере общины также необходимы были для подготовки акции по уничтожению – чтобы рассчитать материально-технические ресурсы и личный состав для проведения экзекуций.

Ограбление еврейского населения оккупантами

Одновременно с регистрацией еврейского населения на еврейские комитеты посыпались **требования о предоставлении различного имущества, денег и ценностей**. Используемые нами источники изобилуют примерами такого рода. Поражает широкий спектр материальных ценностей, которые изымались у евреев – не только предметы первой необходимости, но и такие вещи, которые совершенно не имели отношения к нуждам военного времени. Нижеприведенные примеры демонстрируют, что конфискации проводились не только с целью обеспечения армии в условиях зимнего периода, но и ради элементарной наживы командного состава и администрации.

Ялта. По воспоминаниям очевидца, включенным в акт городской ЧГК, “всеми евреями заведовал немец фон де Рейк, [...] служил он в СД. Однажды в моем присутствии приехал де Рейк в еврейский комитет и приказал за несколько часов собрать очень большое количество вещей из дамского туалета. Председатель комитета сказал, что невозможно так быстро собрать эти вещи в таком количестве, тогда фон де Рейк схватил председателя за бороду и стал бить плетью по лицу и голове” [43]. “Цифры обложения были огромны и непосильны, – вспоминал другой очевидец. – Перепуганные люди в ужасе бегали по городу, собирая вещи, закупая и меняя недостающее, лишь бы выполнить количество и заказанный ассортимент” [44].

Евпатория. Из письма Фишгойт следует, что после регистрации евреев всем евреям приказано было носить на спине звезду, сдать все ценности и денежные знаки в еврейский комитет. На руках разрешалось оставить лишь 200 рублей. Приказ заканчивался так: “За невыполнение – расстрел” [45]. То же читаем в акте евпаторийской ЧГК: “Через небольшой промежуток времени (после регистрации – М.Т.) их обязали сдать все золото и другие ценные вещи в созданный немцами еврейский комитет” [46]. По показаниям свидетелей, списки на ценности, сданные евреями, составлялись председателем еврейского комитета Д.Б. Барабашем [47].

Симферополь. Даже в дневниках и воспоминаниях неевреев-наблюдателей этот аспект отражен подробно – настолько ярко, очевидно, в глаза бросалась грабительская политика властей по отношению к мирному населению вообще и, в наибольшей степени, по отношению к евреям, поставленным вне закона. Х.Г. Лашкевич записал в дневнике: “Вывешенным приказом евреям велено доставить для немцев шесть тысяч одеял. Затем это количество по следующему приказу возросло до двенадцати тысяч. То и дело появляются приказы о доставке скатертей, полотенец, простынь, ковров, тарелок и т.п. тысячами штук” [48].

Очевидно, еврейская община рассматривалась властями как легкий способ для выхода из затруднительных ситуаций. Едва у властей возникала потребность в каких-либо ценностях, на выручку приходила мысль о том, что достать их легко – достаточно потребовать под угрозой расправы у еврейского комитета: “Немцы дали приказ общине собирать вещи [...]. Был дан приказ собрать десять коверкотовых костюмов. Бейлис, председатель общины, был за невыполнение приказа избит” [49]

Такое отношение к евреям демонстрировали не только рафинированные носители нацистской идеологии – эсэсовские подразделения, дислоцированные на полуострове, но и армейские чины – офицеры вермахта, которые, казалось бы, должны были соблюдать нормы обращения с мирным населением. Эпизод, приведенный Е.Е. Гопштейном, красноречиво свидетельствует об этом: “При мне приходил полицмейстер (в еврейский комитет – М.Т.), что нужно к такому-то числу, сегодня к вечеру, 40 столовых приборов и столько же столового белья — скатертей, салфеток. Оказывается, генерал Манштейн, который взял Крым, давал банкет старшему офицерскому составу, и нужна была сервировка. Где мог взять Еврейский комитет 40 приборов — приборы должны были быть одинаковые. Обратились тогда к Балабану — это директор местной психиатрической лечебницы, это был еврей, у него было большое количество посуды. При мне написали записку, послали двух человек и просили выручить комитет. Посланцы ушли, я тоже ушел, а на следующий день я узнал, что посуда и белье были даны доктором Балабаном” [50].

Приказы о предоставлении ценностей были лишь одной из форм ограбления общины. Другой формой были непосредственные реквизиции у отдельных людей. Приводимый Е.Е. Гопштейном эпизод рисует, как порой и в этом еврейский комитет был вынужден играть роль невольного посредника: “(Немцы. – М.Т.) спрашивают: где богатые евреи? Им говорят: “У нас нет”. “Покажите”, – говорили немцы, не верили Ев-

рейскому комитету, а евреи удивлялись, до какой степени они мало представляют еврейское население. Прошло несколько времени, они говорят: “Мы сами найдем”. Гурвичу поручили сопровождать, чтобы он указывал наиболее зажиточных. Посадили его в автомобиль, он говорит: “Думал, думал, куда везти, вспомнил, что есть юрисконсульт, потому что они хорошо зарабатывали, был Довгалецкий — и повез к нему”. Так и протекала еврейская жизнь, понемножку они вошли во вкус грабежа еврейского населения”. [51]

Выполнение принудительных работ

Помимо непосредственного ограбления общины, “новые хозяева” практиковали и другой способ наживы – **организация принудительных работ и использование подневольного труда**, то есть не конфискация имеющихся ценностей, а создание новых и их присвоение.

Результатами подневольного труда пользовались, очевидно, несколько оккупационных учреждений (штаб 11-й армии, комендатуры, штаб и отдельные команды айнзатцгруппы “D”), а также коллаборационистские структуры – городские управы. Очевидно также, что многие военные и чиновники получали личную выгоду от труда еврейских ремесленников. По словам И.И. Сироты, “в общину все евреи обязаны были являться ежедневно, отсюда немцы забирали их на работу. [...] Евреи выполняли самую грязную работу. [...] Женщин возили в госпиталь, где раньше была первая советская больница, там они чистили уборные, на консервном заводе работали по очистке картофеля и нечистот...” [52]

Из этого фрагмента виден способ организации принудительного труда – осуществлялось оно, в основном, через еврейскую администрацию. Все трудоспособные евреи обязаны были каждое утро являться к зданию еврейского комитета, где руководство общины, получив “заказы” от оккупантов, распределяли людей по хозяйственным объектам города. Е.Е. Гопштейн рассказывал: “Ежедневно поступали требования в комитет о присылке рабочей силы. Приходили солдаты, офицеры и требовали послать женщин молодых, здоровых для уборки помещений, дайте столько-то десятков мужчин для физической работы. Кроме того, я вспоминаю, что еврейское население города являлось обязательно в комитет. Здесь было зарегистрировано около 12 тысяч человек, и всегда около комитета была громадная толпа” [53].

Проведение сборов для “переселения”

Последний этап “окончательного решения” еврейского вопроса в городах полуострова (за исключением Ялты) осуществлялся так: евреев города ставили в известность о необходимости явиться в назначенный день с некоторым запасом вещей и продуктами в определенные для этого места. В течение ближайших дней собравшихся партиями вывозили со сборных пунктов на окраину населенного пункта, где расстреливали. Были ли еврейские комитеты задействованы при осуществлении финальных нацистских антиеврейских “мероприятий”? Знали ли члены комитетов о действительных намерениях оккупантов, выполняли регистрацию евреев? На вопрос об этом на Нюрнбергском процессе бывший командир айнзатцгруппы “D” Олендорф ответил: “В моей айнзатцгруппе – конечно, нет” [54].

По данным севастопольской ЧГК, пунктом сбора евреев Севастополя был назначен еврейский комитет в здании стадиона (ул. Херсонская, 3) [55]. В Евпатории в момент сбора ключи от квартир евреи должны были сдать в еврейский комитет [56].

Оповещение евреев в различных городах Крыма происходило по-разному. В Феодосии были распространены отпечатанные типографским способом объявления-приказы [57]. Так же происходило в Керчи [58]. В Симферополе, по воспоминаниям Е.Е. Гопштейна, информация о явке евреев распространялась устно через еврейский комитет: “7 декабря зашла крымчачка..., пришла посоветоваться. Оказывается, из общины – Еврейского комитета – поступило распоряжение, основанное на распоряжении германского командования, чтобы все крымчакское население 8 декабря не позже 9 декабря явилось на сборный пункт, который был назначен на площади Гельвига. [...] Затем оказалось, что такое же распоряжение имеется в отношении всего еврейского населения – явиться 9-10 декабря в студенческое общежитие на Госпитальной площади, в общежитие медицинского института против парка Ленина и здание обкома партии по улице Гоголя, 14. Сроки явки 10-11 число. Никаких объявлений совершенно не было [...] . Узнавали друг от друга”.

Решив лично удостовериться, Е.Е. Гопштейн направился в еврейский комитет, где “узнал, что распоряжение поступило явиться на сборные пункты, захватив теплую одежду и продовольствие – это верно” [59]. На этом этапе упоминания о какой-либо еврейской организованной деятельности прекращаются – по словам очевидца, из членов еврейского комитета “никто не сохранился, так как они погибли, как и все” [60]. Не исключено, что они погибли в числе первых жертв “окончательного решения”.

Исключение составила Ялта, где цепочка событий по уничтожению еврейской общины включала в себя еще один промежуточный этап – создание гетто. Подобно тому, как это происходило в западных оккупированных областях, в Ялте еврейский комитет нацистами был призван:

- 1) **Провести организацию переселения в гетто.** “Еврейскому комитету была дана инструкция, что ввиду малой жилплощади (2.5 кв.м. на человека), чтобы были взяты только самые дорогие вещи” [61]. Под гетто были отведены бывшие помещения рабфака сельскохозяйственного института, расположенные на окраине между городом и поселком Массандра и обнесенные высокой каменной стеной.
- 2) **Организовать жизнь и порядок внутри замкнутой территории, как они понимались нацистской администрацией.** История гетто в областях Западной Украины, Польши, Белоруссии демонстрирует примеры создания оккупационными властями некой “системы жизнеобеспечения”, которая была призвана обеспечить автономное существование группы людей на изолированном пространстве. На-

цистские интересы экономической эксплуатации общины подразумевали создание и работу в гетто различных предприятий и учреждений. То же, в соответствии с “классическими” образцами гетто, было осуществлено в Ялте. “Еврейскому комитету дано указание организовать свои мастерские, кооператив, больницу и даже... свою полицию. Действительно, на входных и выходных воротах стояли молодые люди с голубыми повязками и белой шестиконечной звездой на левой руке, конечно, без оружия [...] Задачей полиции являлся контроль над явкой в гетто” [62].

- 3) **Осуществлять посредничество между общиной и властями при выполнении задач, которые ставились оккупантами – то есть, добиваться от общины осуществления требований нацистов.** Несмотря на то, что община была ограблена еще до заключения в гетто, поборы продолжались и здесь. “Из “СС” без конца приказывают собрать матрацы, простыни, подушки, одеяла, кровати, женское белье и т.д. Все уже отобрано, никто ничего не имеет, так как если что и было, то осталось брошенным на квартирах в городе и разграблено немцами и румынами. Еврейский комитет мечется в страхе и умоляет отдавать все, что есть, так как ему грозят побоями и расстрелом” [63].
- 4) **Обеспечить сборы населения гетто к месту уничтожения (обрыв по дороге в Никитский ботанический сад).** По воспоминаниям очевидца, 18 декабря 1941 г. еврейскому комитету было приказано по списку семьями погружать на машины жильцов гетто. “Машины уходили, возвращались и брали следующих. Еврейский комитет по списку отмечал уезжающих. С последней машиной увезли членов еврейского комитета” [64].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы можем убедиться на основе вышеприведенного материала, известные на сегодняшний день источники не позволяют нам с исчерпывающей полнотой воссоздать историю действовавшей в начальный период оккупации Крыма еврейской администрации – дальнейшего исследования ждут вопросы о численности этих формирований, их структуре, социально-профессиональном составе членов этих комитетов. Требуется воссоздать более полную картину их взаимоотношений с властями, объема реквизируемых ценностей... Необходимо также попытаться взглянуть на еврейские комитеты “изнутри” и попытаться реконструировать линию поведения той группы людей, которая невольно оказалась ответственной за еврейскую общину в своем городе, с учетом нечеловечески тяжелых условий, в которые они были поставлены оккупантами.

Архивные документы и воспоминания очевидцев могут пролить свет лишь на самые общие этапы существования комитетов. По некоторым городам полуострова – по Феодосии, Керчи – сведения о еврейских комитетах отсутствуют вовсе. Это не означает, однако, что там они не существовали.

Вместе с тем, источники позволяют сделать вывод о некоторых особенностях еврейских комитетов в Крыму. Одной из них было то, что создавались они нацистами без намерений перенести их деятельность в гетто (за исключением Ялты). В западных регионах аналогичные структуры были призваны регулировать жизнь внутри гетто, установить порядок и стабильность в соответствии с тем, как это понималось оккупационными властями, обеспечить долгосрочную экономическую эксплуатацию евреев. В силу же нахождения полуострова в сфере управления военной администрации, подчиненности еврейских комитетов полевым комендатурам, а также, вероятно, в силу малочисленности общины и условий “военного времени” оккупанты в форсированном режиме получили от еврейской общины все, что им было необходимо, и затем расправились с ней как с ненужным балластом.

Другой особенностью было то, что создание общин зачастую без общепризнанных лидеров, кратковременность существования еврейской администрации и последовавшее вслед за этим скорое уничтожение исключало возможность организации какого-либо сопротивления (в отличие от юденратов и гетто в оккупированной Польше, западной Украине и Белоруссии, история которых насчитывает немало примеров организации еврейского подполья и вооруженного сопротивления нацистской политике “окончательного решения”). Организации сопротивления также не способствовала неосведомленность о намерениях оккупантов, неизвестность, осложнявшаяся разнообразными и, возможно, преднамеренно распускавшимися властями слухами, скрывавшими реальные планы оккупантов по отношению к еврейскому населению.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В немецких документах также применялись термины “советы старейшин”, “кагалы”, “правление общины”. В своем исследовании мы применяем термин, употреблявшийся в советских документах послевоенных лет – “еврейские комитеты”.
2. Классическим исследованием на эту тему является работа: Trunk, Isaiah. *Judenrat. The Jewish Councils in Eastern Europe under Nazi Occupation*. New York, 1972. Вопросам о юденратах на оккупированных территориях СССР посвящены работы: Розенблат Е. Организация юденратов, учет и регистрация еврейского населения западных областей Белоруссии в 1941 г. // Холокост. Доклады на 8-й международной конференции по иудаике. – М.: Сэфер, 2001. – С. 3-9; Розенблат Е. Некоторые аспекты деятельности юденрата гетто г. Белостока // Там же. С. 19-24. Еврейским советам в оккупированных регионах СССР, их созданию, структуре и составу посвящены страницы в монографии: Альтман И.А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941-1945 гг. – М.: Фонд “Ковчег”, 2002. – С. 105-129. Изложение фактографии и основных взглядов зарубежных исследователей истории юденратов, а также библиографии см.: Михман Д. Катастрофа европейского еврейства. Учебное пособие Открытого уни-

- верситета Израиля. – Ч.4. Еврейские лидеры и еврейское сопротивление. – Иерусалим, 1995. – С. 207-328.
3. Altshuler, Mordekhai. *The Unique Features of the Holocaust in the Soviet Union*. In: Ro'I, Yaacov (ed.). *Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union*. Ilford, Essex, England; Portland, Or.: F. Cass, 1995., p. 175.
 4. Губенко Г.Н. Книга печали. – Симферополь: Редотдел Крымского управления по печати, 1991.
 5. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), фонд Р-1289. – Оп. 1,2.
 6. Карасубазар – ныне г. Белогорск.
 7. ГААРК. – Ф. П-156. - Оп. 1. – Д. 31. – Л. 151-165. См. также в кн.: *Передайте детям нашим о нашей судьбе. Сборник документов, дневников и воспоминаний*. – Симферополь: БЕЦ “Хесед Шимон”, 2001. – С. 89-97.
 8. ГААРК. - Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 166-170. См. также: *Передайте детям нашим...* – С. 51-83.
 9. ГААРК. - Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 37. – Л. 71-106. См. также: *Передайте детям нашим...* – С. 100-119.
 10. ГААРК. – Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 112-126. См. также: *Передайте детям нашим...* – С. 120-136.
 11. Рассказ бухгалтера Льва Юровского. – В кн.: *Неизвестная Черная книга. Свидетельства очевидцев о Катастрофе советских евреев (1941-1944)*. – Москва-Иерусалим, 1993. – С. 367-371.
 12. ГААРК. – Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 52-103. См. также: *Передайте детям нашим...* – С. 157-260.
 13. ГААРК. – Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 34-45. См. также: *Передайте детям нашим...* – С. 149-156.
 14. О том, какой вид могла иметь такого рода документация, см.: Еленская И.Э. *Холокост: опыт реконструкции комплекса документации юденратов и еврейских учреждений (на примере Беларуси) // Материалы 9-й ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Тезисы*. – М.: Сэфер, 2002. – С. 197-199.
 15. Манштейн Э. *Утерянные победы*. – М.: Аст, 2002. – С. 248.
 16. Катастрофа европейского еврейства. Учебное пособие Открытого университета Израиля. – Иерусалим, 1995. – Ч. 4. – С. 247-248.
 17. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. П-69. – Оп. 1. – Д. 1141. – Л. 62-67.
 18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 7021. – Оп. 148. – Д. 181. – Л. 21.
 19. Альтман И.А. Указ соч. – С. 108.
 20. Характеризуя методику образования юденратов на оккупированной территории Украины, историк Ш. Спектор отмечает: “здесь не было еврейских активистов – единственные, кто были таковыми – евреи-коммунисты – либо эвакуировались, либо были немедленно уничтожены нацистами. [В силу этого] юденраты в этом регионе были сформированы преимущественно из пожилых госслужащих (врачей, инженеров и т.п.)”. (См.: Spector, Shmuel. *The Holocaust of Ukrainian Jews*. – In: Gitelman, Zvi Y. (ed.). *Bitter Legacy: confronting the Holocaust in the USSR*. Bloomington: Indiana University Press, 1997, p. 48).
 21. Альтман И.А. Указ соч. – С. 111.
 22. Письмо Фишгойт (Евпатория). – В кн.: *Черная Книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг.* – Вильнюс: Йад, 1993. – С. 206-207.
 23. ГААРК. – Ф. Р-1289. – Оп. 1. – Д. 4. - Л. 96.
 24. Yad Vashem Archives, Record group P.21.2 (Иля Ehrenburg Collection), file 8, page 1 (очерк П. Нестеренко “Как это было” от 5.07.1944 г.).
 25. *Передайте детям нашим...* – С. 101.
 26. Yad Vashem Archives, Record group TR-18, file 184, page 3 (Пояснительная записка, составленная ст. следователем следотделения УКГБ при СМ УССР по Крымской области 22 мая 1973 г.).
 27. ГАРФ. – Ф. 7021. – Оп. 9. – Д. 59. – Л. 55.
 28. *Передайте детям нашим...* – С. 121.
 29. Там же. – С. 168.
 30. Там же. – С. 102. К такой характеристике состава еврейского комитета необходимо подходить с осторожностью: вполне возможно, что по-иному перед советскими следственными органами Е.Е. Гопштейн охарактеризовать их просто не мог.
 31. *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal*. – Nuremberg, 1947. – Vol. 4., p. 324. See also: Berenbaum, Michael. *Witness to the Holocaust*. New York: HarperCollins, 1997, p. 125.
 32. Письмо Фишгойт (Евпатория). – *Черная Книга*. – С. 207.
 33. Yad Vashem Archives, TR-18/184/3.
 34. ГАРФ. – Ф. 7021. – Оп. 9. – Д. 194. – Л. 234об.
 35. ГАРФ. – Ф. 7021. – Оп. 9. – Д. 59. – Л. 206.
 36. Yad Vashem Archives, P.21.2/8/1.
 37. *Передайте детям нашим...* – С. 90-91.
 38. Там же. – С. 105-106.
 39. Там же. – С. 168.
 40. Немецкое командование и комендатура посредством русскоязычной газеты “Голос Крыма” неоднократно обращались к населению с приказами о сдаче “излишков” продуктов питания якобы для того, чтобы “воспрепятствовать голодовке населения, которое не имеет продовольственных запасов”

- (Окупаційний режим в Криму: 1941-1944 рр. За матеріалами преси окупаційних властей (упорядник В.М. Гуркович). – Сімферополь: Таврія, 1996. – С. 5-7).
41. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, vol. 4., p. 319. См. также: Уничтожение евреев в СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). – Иерусалим: Яд Вашем, 1992. – С. 68-69.
 42. Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10 (Green series). – Washington, D.C.: U.S. G.P.O., 1949-1953. – Vol. IV (Case 9: U.S. v. Ohlendorf (Einsatzgruppen case)), p. 215. См. также: Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941-1944 годах. – Киев: Институт иудаики, 2002. – С. 136.
 43. ГААРК. – Ф. Р-1289. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 97.
 44. Yad Vashem Archives, P.21.2/8/1.
 45. Письмо Фишгойт (Евпатория). – Черная Книга. – С. 207.
 46. ГААРК. – Ф.Р-1289. – Оп.1. – Д.5. – Л. 53.
 47. Yad Vashem Archives, TR-18/184/3.
 48. Передайте детям нашим.... – С. 59.
 49. Там же. – С. 121-122.
 50. Там же. – С. 103.
 51. Там же. – С.106.
 52. Там же. – С.121.
 53. Там же. – С.105.
 54. Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10 (Green series). Vol. IV, p. 299.
 55. ГААРК – Ф. Р-1289. – Оп. 1. – Д. 1-а. – Л. 3.
 56. Губенко Г.Н. Указ соч. – С. 12.
 57. Там же. – С. 58, 59.
 58. Там же. – С. 65; ГААРК. – Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 14.
 59. Передайте детям нашим... – С.108.
 60. Там же. – С. 101.
 61. Yad Vashem Archives, P.21.2/8/2.
 62. Yad Vashem Archives, P.21.2/8/3.
 63. Ibid.
 64. Yad Vashem Archives, P.21.2/8/4.

УДК 94 (477.75) (=112.28) 1941/1945

Аннотация. Статья “Еврейские комитеты в оккупированном нацистами Крыму: постановка проблемы” посвящена истории еврейских комитетов (юденратов), создававшихся нацистами в период оккупации полуострова практически в каждом крымском городе. Автор предпринимает попытку охарактеризовать способ их создания, состав, этапы деятельности, а также те функции, которые они были вынуждены выполнять в ходе “окончательного решения еврейского вопроса” на полуострове. Характеризуются также особенности, которые отличали эти учреждения от аналогичных в Польше, Западной Украине и Белоруссии (на территориях, где нацистами были созданы гетто). Известные на сегодняшний день источники не позволяют создать всесторонней истории еврейских комитетов в Крыму, поэтому автор обращает внимание на те вопросы, которые нуждаются в дальнейшем изучении.

Summary. The article “The Jewish Councils in the Crimea occupied by the Nazis” is devoted to the history of the Jewish Councils (Judenrat) which were established in almost every Crimean city during the period of Nazi occupation of the peninsula. The author makes an attempt to describe their composition, main stages of the their activity as well as the role which they were forced to carry out during the implementation of the “Final solution” in the Crimea. The specific features which were actual for these Jewish administrative units in comparison with the Jewish Councils in Poland, Western Ukraine and Byelorussia (where ghettos were created by the Nazis) are also mentioned. The archival sources which are known today do not allow to create complete picture of the history of the Jewish Councils. That is why an attempt was made by the author to characterize questions which demand to be researched in the future.

Ключевые слова: Холокост, юденрат, гетто